

Оценка рисков либерализации торговли товарами со странами Азии в рамках российской политики поворота на Восток¹

А.Б. Лихачева, Г.М. Калачигин

Лихачева Анастасия Борисовна — к.полит.н., заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: alikhacheva@hse.ru

Калачигин Григорий Михайлович — стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: gkalachigin@hse.ru

Вопрос либерализации торговли со странами АТР — один из ключевых в повестке интеграции России и ЕАЭС в торгово-экономические связи в АТР. Однако заключение соглашений о зоне свободной торговли традиционно негативно воспринималось как в России, так и в странах — партнерах ЕАЭС в силу преобладающей крайне консервативной торговой политики. Для оценки рисков таких соглашений было проведено исследование, моделирующее ситуацию полной либерализации торговли товарами России с Республикой Корея, Сингапуром, Индией, Японией и Китаем. Страны были выбраны на основе текущих переговорных треков ЕАЭС и анализа российской внешней торговли со странами АТР. Моделирование производилось с помощью модели частичного равновесия, встроенной в программу SMART, которая предоставляется World Integrated Trade Solution.

В работе выделяются ключевые товарные группы, увеличение импорта которых можно ожидать при полной отмене тарифных пошлин с российской стороны (с учетом чувствительных тарифных линий). Кроме того, авторы приходят к выводу, что в таком случае импорт индийской и корейской продукции увеличится примерно на 7,5%, японской — на 7%, сингапурской — на 6,5% от стоимости импорта из данных стран в 2016 г. Моделирование показало увеличение импорта китайской продукции на 8%, однако в абсолютном выражении данный прирост превышает текущий уровень торговли с Индией и Сингапуром вместе взятых, что подтверждает низкую вероятность запуска переговоров о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Китаем в кратко- и среднесрочном периоде.

Ключевые слова: Россия; АТР; либерализация зоны свободной торговли; импорт; модель частичного равновесия

Для цитирования: Лихачева А.Б., Калачигин Г.М. (2018) Оценка рисков либерализации торговли товарами со странами Азии в рамках российской политики поворота на Восток // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 52–69 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-03.

¹ Статья поступила в редакцию в ноябре 2017 г.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

Введение

В XXI в. центр мировой экономической активности перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. Россия стремится стать частью нового экономического центра. Специалисты называют данный процесс «поворот на Восток», его старт чаще всего связывают либо с созданием Министерства по развитию Сибири и Дальнего Востока (на данный момент – Министерство по развитию Дальнего Востока) и подготовлением страны к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 г., либо с обострением отношений с западными странами и введением санкций и ответных мер.

В настоящее время осуществляется переход модели развития АТР от «Азия для мира» к «Азия для Азии», заключающийся в увеличении внутрирегиональной торговли, инвестиций, создании новых цепочек добавленной стоимости и т.д. [Бордачев и др., 2015; Макаров, 2016]. Сегодня Азия – один из лидеров по объемам внутри- и внешнеторгового оборота. Доля внутрирегиональной торговли в 2004 г. превысила 50% от общего торгового оборота [WTO, 2005] и растет, достигнув 57,3% в 2016 г. [ADB, 2017], за исключением кризисных годов, что является тенденцией, характерной для регионализации. Спад в международной торговле в 2015 г. был больше спада во внутрирегиональной торговле, в связи с чем доля внутрирегиональной торговли продолжила расти [ITC, 2017].

Интеграционный процесс в Азии характеризуется отсутствием делегирования части суверенитета и направлен на либерализацию процессов, например, в рамках соглашений о зонах свободной торговли [Макаров, 2016]. Примером является АСЕАН и ее форматы сотрудничества АСЕАН+. Следующим шагом стали мегарегиональные соглашения, например, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), которые, в свою очередь, тоже не предусматривают наднациональных органов, а направлены на более глубокое сотрудничество в различных сферах. Однако процесс заключения подобных соглашений достаточно длительный, и подписание итогового документа может неоднократно переноситься. Например, окончание переговоров в очередной раз перенесли – на ноябрь 2018 г., что вызвано отсутствием консенсуса по всем обсуждаемым вопросам [theSunDaily, 2017].

Интеграция России в регион потребует времени, более того, членство в ЕАЭС подразумевает формирование интеграционной повестки с учетом позиций всех стран-членов. Поэтому на данный момент уже действует одно соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Вьетнамом (вступило в силу 5 октября 2016 г.) [ЕЭК, 2016], в мае 2015 г. сделано заявление о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути [Официальный сайт Президента РФ, 2015], выстраивается концептуальная рамка Большой Евразии – все это шаги, сделанные для интеграции России как члена ЕАЭС в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Заключение преференциальных соглашений ведет не только к получению преимуществ, но и к обострению определенных рисков. В связи с этим авторы использовали модель частичного равновесия для оценки эффектов либерализации торговли с пятью странами Азии. На основании полученных данных были выработаны определенные рекомендации по формированию переговорной позиции России.

Данная статья имеет следующую структуру: сначала представлен обзор литературы, затем методология моделирования полной либерализации торговли между выделенными нами странами, далее проанализировано современное состояние ЗСТ и подведены итоги.

Обзор академической литературы

Кристофер М. Дэнт [Dent, 2005, p. 287–314] в своем исследовании зон свободной торговли в Восточной Азии констатирует, что если в 1990 г. соглашения заключались лишь в отмене существующих барьеров в торговле, то к началу XXI в. спектр затрагиваемых в соглашении аспектов значительно расширился. Добавились, например, проблемы регулирования электронной торговли, интеллектуальной собственности, рабочей силы и т.д. Таким образом, это способствует комплексной и эффективной интеграции между странами, в чем также нуждается и Российская Федерация.

Оценка возможных последствий заключения ЗСТ используется учеными по всему миру. Например, Д.А. Изотов в своих работах оценил возможные последствия ЗСТ с Новой Зеландией [Изотов, 2013а, с. 41–53] и Вьетнамом [2013б, с. 108–115] и пришел к выводу, что взаимное снижение тарифов приведет к росту российского импорта, в то время как экспорт будет расти за счет других аспектов, например, увеличения инвестиционного присутствия в данных странах. При этом автор отмечает, что заключение подобных соглашений необходимо для успешной интеграции России в АТР.

Грэг Мастел [Mastel, 2013, p. 41–61] на примере США показывает, что создание зон свободной торговли может использоваться как серьезный политический механизм для создания прочного основания политических и, возможно, военных альянсов (например, ЗСТ с Израилем и Иорданией).

Мин Гё Ко и Сок-Бин Хон [Min, Hong, 2014, p. 1–25] в своей работе, посвященной торговой политике Республики Корея и Таиланда, пришли к выводу, что Корея, несмотря на ее относительно протекционистскую политику, является активным игроком на арене ЗСТ и заключает данные соглашения с ключевыми акторами мировой экономики: США, АСЕАН, КНР, ЕС, Индией и т.д.

Инкё Чхон [Cheong, 2007, p. 1–26] в своей оценке последствий ЗСТ Корея – США отмечает пять главных преимуществ данного соглашения, которые были выделены крупнейшим частным исследовательским институтом в Республике Корея. К ним относятся: совершенствование конкуренции, улучшение бизнес-регулирования, разработка политики для дальнейшей интеграции в Восточной Азии, оживление инвестиционной деятельности и поддержание реализации мирного договора на Корейском полуострове. Также в данной работе автор указывает на то, что страны, которые во многом зависят от внешней торговли, должны либо внедряться в процессы глобализации, что можно сделать посредством ЗСТ, либо быть готовыми к значительным альтернативным издержкам.

В связи с этим следует отметить, что на данный момент в рамках торговых переговоров ЕЭК имеет узкий набор возможных тем обсуждения – различные виды барьеров в торговле товарами [Министерство экономического развития Российской Федерации, 2014]. Для эффективной интеграции необходимо расширение мандата ЕЭК, так как обсуждение в рамках переговоров других пунктов национальными представителями может приводить к затягиванию процесса.

Брюс Госпер [Gosper, 2017, p. 233–254], рассматривая возможные выгоды для Австралии от заключения ЗСТ с Европейским союзом, пришел к выводу, что подобное соглашение имеет массу плюсов не только на двустороннем треке сотрудничества, но и на внутреннем и международном, однако при этом надо быть готовым к нейтрализации определенных рисков.

Эмико Фукасе и Уилл Мартин [Fukase, Martin, 2016, p. 774–816] в своей работе, посвященной потенциалу ЗСТ Индия – США, указали, что данное соглашение может дать старт более глубокой либерализации торговых режимов обеих стран. Также авторы

пришли к выводу, что ЗСТ будет способствовать снижению уровня бедности и повышению минимальных заработных плат в Индии.

Целью авторов является оценка возможных последствий либерализации торговли. Модели *общего и частичного равновесия* позволяют оценить предполагаемые последствия подобных мер. Изотов [Изотов, 2015, с. 75–97] подчеркивает, что модель общего равновесия нацелена на изучение макроэкономических последствий, а частичное равновесие позволяет определить товарные группы, импорт или экспорт которых наиболее существенно изменится вследствие изменения тарифной политики. Более того, специалисты отмечают, что расхождения в моделях частичного и общего равновесия незначительны, что позволило авторам использовать только модель частичного равновесия.

Д.А. Изотов [Изотов, 2015, с. 75–97] в своей работе также отмечает, что модель частичного равновесия активно используется специалистами для расчета последствий вступления стран в ВТО или заключения между ними. Для оценки рисков для Российской Федерации от заключения торговых соглашений между ЕАЭС и странами АТР была использована программа SMART, предоставляемая WITS, в которую уже встроена модель частичного равновесия. Проведенный авторами анализ литературы показал, что данная программа использовалась для оценки последствий либерализации между Европейским союзом и Экономическим сообществом стран Западной Африки [Lang, 2008], США и Марокко [Jallab, Abdelmalki, Sandretto, 2007, p. 852–887], влияния таможенного союза Восточноафриканского сообщества на Уганду [Othieno, Shinyekwa, 2011].

Методология построения модели

С помощью программы SMART авторы провели анализ последствий полной либерализации торговли товарами (за исключением выделенных чувствительных позиций ЕАЭС на основании ЗСТ с Вьетнамом) между Российской Федерацией и пятью странами АТР: Республикой Корея, Сингапуром, Индией, Японией и Китаем. Он основан на данных о тарифной защите и двусторонней торговле за 2016 г. Целью работы является оценка уязвимости Российской Федерации, поэтому будут рассмотрены лишь последствия снижения тарифов со стороны РФ и риски роста импорта.

Включение адвалорных показателей нетарифных мер² не было произведено, так как доминирующая доля НТМ либо не относится к прямым мерам защиты внутреннего рынка, либо отсутствует возможность перевода в процентный вид. Следует отметить, что обычно авторы аналитических работ используют адвалорные эквиваленты антидемпинговых мер и квотирования. Проведенный анализ подобных мер со стороны РФ показал, что они применяются лишь к отдельной продукции химической промышленности и некоторым мясным товарам, большинство из которых вошло в список «чувствительных» в соглашении о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам, то есть защита данных позиций не подразумевается.

Анализ доступа на рынки товаров, выполненный методом моделирования, основан на следующих предположениях, стандартных для моделей SMART:

- Российская Федерация незамедлительно отменяет собственные тарифы для всех товаров (за исключением выделенных нами ранее чувствительных позиций ЕАЭС). Снижение тарифов в России для каждой страны рассматривается отдельно, а не в совокупности.

² Процентные ставки таможенной пошлины.

- В список чувствительных тарифных линий входят те, которые вошли в итоговое соглашение о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам, то есть полученные результаты моделирования для данных тарифных линий не будут учитываться в анализе результатов.
- Устранение тарифов Россией применимо к выделенным странам, но не к другим государствам.
- Ценовая эластичность спроса на импорт высчитывается непосредственно программой SMART.
- Эластичность экспортных поставок и эластичность замещения предполагаются на уровне 99 и 1,5 соответственно.

Под увеличением объема импорта понимается совокупность трех эффектов: эффекта отклонения торговли, эффекта создания торговли и эффекта цены. В итоговых таблицах все указанные эффекты просуммированы.

Эффект отклонения торговли. Вследствие снижения тарифа на товары страны *A* относительные цены на них снижаются по сравнению с товарами из страны *B*. Потребление композитного блага³ не изменилось, но при этом импорт из страны *A* увеличивается, симметрично снижая импорт из страны *B*.

Эффект создания торговли. Снижение импортного тарифа для товаров страны *A* снижает внутреннюю цену на них. Как следствие, при таком же уровне расходов население теперь может потреблять больше импортированных товаров из страны *A*. С рыночной точки зрения отклонение торговли является нейтральным. Это не влияет на общее импортированное количество, а перераспределяет долю рынка среди партнеров-экспортеров на основе новых относительных цен. Увеличение импорта от бенефициаров снижения тарифов уравновешивается уменьшением импорта из всех остальных.

Эффект цены. Данный эффект присутствует только при условии гипотезы эластичности предложения экспорта. Он отражает рост мировой цены на товар, спрос которого увеличивается после снижения тарифов. В то время как эффекты отклонения и создания торговли отражают влияние на количество, эффект цены представляет собой дополнительную стоимость импорта из-за повышения мировой цены⁴.

Современное состояние ЗСТ

В настоящий момент двустороннее взаимодействие является основным направлением деятельности ЕЭК в области торгово-экономического сотрудничества со странами АТР. Сегодня есть все основания полагать, что на будущих переговорах о ЗСТ с другими странами АТР, имеющими схожий торговый баланс со странами – членами Союза, ЕЭК будет отстаивать аналогичные позиции, поскольку построение консенсуса внутри ЕЭК – крайне ресурсоемкий процесс, что, вероятно, будет придавать новым переговорам Комиссии определенную инертность (на базе вьетнамского соглашения).

На момент написания статьи переговорный процесс ЕАЭС с ключевыми для РФ странами АТР находится на различных стадиях.

Между ЕАЭС и Китаем 1 октября 2017 г. было подписано совместное заявление о завершении переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве (ТЭС). Таким образом, для вступления данного соглашения в силу осталось провести юридико-техническую правку текста соглашения и необходимые внутригосударственные процедуры для подписания документа [Громский, 2017]. Следует отметить, что

³ Композитное благо – часть доходов потребителя, которая тратится на покупку всех благ, за исключением исследуемого.

⁴ В используемой нами модели эффект цены всегда равен нулю.

данное ТЭС не является преференциальным, то есть не приведет к какому-либо снижению или отмене тарифных и нетарифных ограничений, решению спорных торговых и инвестиционных аспектов сотрудничества. Несмотря на то, что оно воспринимается скорее как политический, а не экономический договор, Россия заинтересована в нем по следующим причинам:

- открытие Китаем информации о работе своего внутреннего рынка;
- проработка механизмов инвестиционного и приграничного экономического сотрудничества;
- *включение* российских транспортно-логистических проектов в более широкий контекст сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового Пути.

С *Республикой Корея* по состоянию на сегодняшний день ведутся переговоры о возможности и необходимости заключения ЗСТ [ЕЭК, 2016]. Главный вопрос: как далеко стороны смогут пойти на компромисс в снижении пошлин на чувствительные товары. В целом от данного решения и зависит вероятность запуска переговоров о ЗСТ.

Что касается вопроса переговоров с *Японией*, то 16 декабря 2016 г. президент Российской Федерации Владимир Путин на пленарном заседании российско-японского форума деловых кругов заявил, что «в скором времени планируется обсудить на экспертном уровне вопрос формирования зоны свободной торговли между ЕАЭС и Японией» [Официальный сайт Президента РФ, 2016]. Однако на данный момент Евразийская экономическая комиссия не анонсировала переговоров, что может быть вызвано значительной загруженностью кадров в рамках семи текущих двусторонних треков по линии ЗСТ с другими странами.

Официально начало переговоров по ЗСТ с *Индией* было объявлено 3 июня 2017 г. в рамках Петербургского международного экономического форума [ЕЭК, 2017]. Предполагается, что ключевыми темами переговоров будут аспекты регулирования торговли, включая таможенное администрирование, защиту прав интеллектуальной собственности, сокращение тарифных и нетарифных барьеров во взаимной торговле. Уже работающая совместная группа экспертов получит новые возможности и все необходимые полномочия для дальнейшего ведения переговоров, что должно привести к более быстрому запуску процесса переговоров. Однако Индия – достаточно сложный партнер по переговорам и традиционно проявляет относительную медлительность, активного развития переговорного процесса по данному треку в ближайшее время ожидать не стоит.

Переговорный процесс о создании ЗСТ с *Сингапуром* в данный момент находится в активной фазе и может завершиться в 2018 г. [TASS, 2017]. Следующее заседание совместной рабочей группы должно пройти в первом полугодии 2018 г. Тогда же планируется провести бизнес-форум, организуемый ЕЭК совместно с Российско-сингапурским деловым советом.

По состоянию на сегодняшний день ЕАЭС заключил только одно соглашение о создании зоны свободной торговли – в 2015 г. с Вьетнамом. Его полная реализация займет еще около семи лет. В среднесрочной перспективе при соблюдении определенных условий ЕАЭС сможет начать переговорный процесс о либерализации торговли с АСЕАН.

Основная цель ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам – консолидация взаимных обязательств сторон по упрощению доступа товаров на рынки. К 2025 г. средний уровень вьетнамских импортных таможенных пошлин на товары стран Союза уменьшится с 10 до 1%, а в ЕАЭС для вьетнамских товаров – до 2%. В некоторых случаях пошлины будут сохраняться. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что пошлины на более чем 500 наименований на уровне 10 знаков ТН ВЭД остаются на прежнем уровне.

Таким образом, в краткосрочной перспективе большие экономические эффекты от торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС со странами АТР на преференциальной основе не ожидаются. Тем не менее есть все основания полагать, что уже в среднесрочной перспективе активизируется взаимодействие ЕЭК с азиатскими государствами и объединениями (в частности, АСЕАН) по линии либерализации торговли. Проведение предварительного анализа позволит оценить целесообразность ведения подобных переговоров.

Анализ импорта РФ и полученных результатов модели

В данном разделе представлена краткая характеристика структуры импорта России из каждой страны, а также на основе построенной модели частичного равновесия делаются два вывода: импорт каких категорий товаров может увеличиться в наибольшей степени и какие субпозиции, возможно, следует относить к чувствительным при проведении переговоров (кроме тех, что были выделены при ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам). Важно отметить, что хотя модель показала значительный прирост таких субпозиций, как коробки передач, двигатели, бульдозеры, буксиры и суда-толкачи, их импорт зависит не только от уровня тарифной защиты государства, но и от региональной транспортной политики и предприятий, использующих данные товары для дальнейшего производства. В этой связи представляется необходимым включение вопросов об инвестициях стран АТР в предприятия на территории Российской Федерации, в том числе непосредственно производящие указанные товары или использующие их в качестве запчастей. Это может быть эффективно, к примеру, для Дальнего Востока, расширяющего режим Свободного порта Владивосток, так как откроет новые возможности и для расширения производственных мощностей, и для наращивания экспорта автомобилей в третьи страны.

ЗСТ ЕАЭС – Китайская Народная Республика

В 2016 г. Российская Федерация импортировала из Китая продукцию общей стоимостью около 38,1 млрд долл. США. Более половины импорта приходится на машины и оборудование (около 53%), по остальным категориям доли распределились относительно равномерно (Приложение 1).

Результаты модели. На основании построенной модели мы установили, что при полной либерализации торговли между ЕАЭС и Китаем произойдет увеличение поставок продукции 89 групп ТН ВЭД на общую сумму около 2,8 млрд долл. США.

Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом китайского импорта (свыше 100 млн долл. США) представлены на рис. 1.

По остальным 82 группам ТН ВЭД прирост колеблется от 2 тыс. до более 80 млн долл. США.

На уровне шести знаков ТН ВЭД в стоимостном выражении наибольший прирост прогнозируется по следующим наименованиям (табл. 1).

Выводы. При полной либерализации торговли между ЕАЭС и Китаем импорт в Российскую Федерацию увеличится на 2,8 млрд долл. США, или примерно на 8% от объемов импорта 2016 г. Так как в стоимостном выражении прирост превышает импорт из Индии и Сингапура вместе взятых и практически равен уровню японского импорта, на данном этапе такой эффект можно считать крайне рискованным. Тем не менее Россия заинтересована в росте экспорта, а Китай является приоритетным торговым партнером, поэтому необходима объективная оценка всех потенциальных плюсов и минусов данного соглашения. К тому же ЕАЭС не имеет значительного опыта в пере-

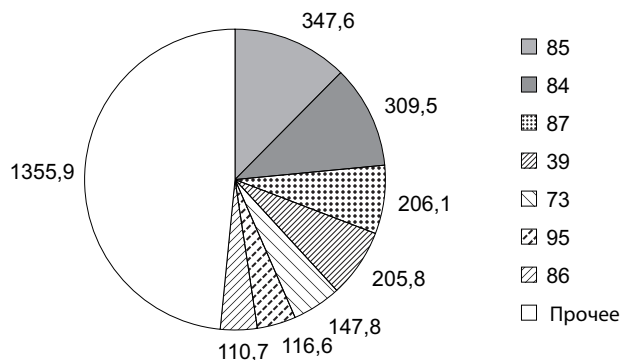

Рис. 1. Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом китайского импорта (млн долл. США)

Источник: составлено авторами по итогам моделирования⁵.

Таблица 1. Топ-3 наименований китайской продукции по приросту импорта при полной отмене российских пошлин

ТН ВЭД	Наименование	Увеличение импорта, тыс. долл. США
860900	Контейнеры (включая емкости для перевозки жидких грузов)	109 652
871200	Велосипеды двухколесные и прочие виды велосипедов (включая трехколесные велосипеды для доставки грузов) без двигателя	79 201
950300	Трехколесные велосипеды, самокаты, педальные автомобили и аналогичные игрушки на колесах; коляски для кукол; куклы; прочие игрушки; модели в уменьшенном размере	77 629

Источник: составлено авторами на основе построенной модели частичного равновесия.

говорах о ЗСТ. Более того, крайне сложно говорить о начале переговоров, в то время как текущие еще не закончены. Этот факт подтверждает нецелесообразность переговоров о ЗСТ с КНР в кратко- и среднесрочной перспективе.

ЗСТ ЕАЭС – Республика Корея

В 2016 г. Российская Федерация импортировала из Республики Корея продукцию общей стоимостью около 5,11 млрд долл. США. Большая половина импорта приходится на продукцию с высокой степенью переработки, что объясняется уровнем развития корейской промышленности (Приложение 1).

⁵ Группы ТН ВЭД: 85 – Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности; 84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части; 87 – Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности; 39 – Пластмассы и изделия из них; 73 – Изделия из черных металлов; 95 – Игрушки, игры и спортивный инвентарь; их части и принадлежности; 86 – Железнодорожные локомотивы или моторные вагоны трамвая, подвижной состав и их части; путевое оборудование и устройства для железных дорог или трамвайных путей и их части; механическое (включая электромеханическое) сигнальное оборудование всех видов.

Результаты модели. На основании построенной модели было выявлено, что при полной либерализации торговли между ЕАЭС и Республикой Корея произойдет увеличение поставок продукции 85 групп ТН ВЭД на общую сумму около 381,4 млн долл. США.

Группы ТН ВЭД (из упомянутых выше 84 групп) с наибольшим приростом корейского импорта показаны на рис. 2.

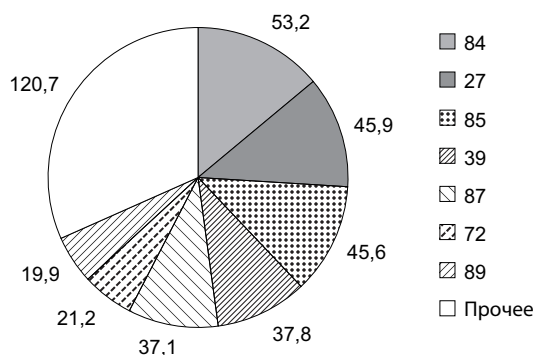

Рис. 2. Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом корейского импорта (млн долл. США)

Источник: составлено авторами по итогам моделирования⁶.

По остальным 77 группам ТН ВЭД прирост колеблется от нескольких тысяч долларов США до более чем 16 млн долл. США.

На уровне шести знаков ТН ВЭД наибольший прирост импорта прогнозируется для категорий «Прочие дистилляты и продукты нефтепереработки» и «Танкеры» (45 и 20 млн долл. США соответственно).

Выводы. При полной либерализации торговли (с учетом ранее выделенных чувствительных позиций) между Российской Федерацией и Республикой Корея (в рамках ЗСТ ЕАЭС – Республика Корея) импорт увеличится практически на 7,5%. В наибольшей степени вырастет импорт продукции, которая уже занимает доминирующую долю в структуре импорта РФ на данный момент. При формировании переговорной позиции ЕЭК целесообразно поднимать вопрос о включении в список «чувствительных» товаров нефтепродуктов, механических устройств и двигателей внутреннего сгорания, электрооборудования и продукции металлургической промышленности.

ЗСТ ЕАЭС – Япония

В 2016 г. Российская Федерация импортировала из Японии продукцию общей стоимостью около 6,68 млрд долл. США. Более половины импорта приходится на транспортные средства (около 51%) и четверть – на машины и оборудование (Приложение 1).

⁶ Группы ТН ВЭД: 84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части; 27 – Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные; 85 – Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности; 39 – Пластмассы и изделия из них; 87 – Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности; 72 – Черные металлы; 89 – Суда, лодки и плавучие конструкции.

Результаты модели. На основании построенной модели было выявлено, что при полной либерализации торговли между ЕАЭС и Японией будет наблюдаться увеличение поставок продукции 84 групп ТН ВЭД на общую сумму около 381 млн долл. США. Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом японского импорта показаны на рис. 3.

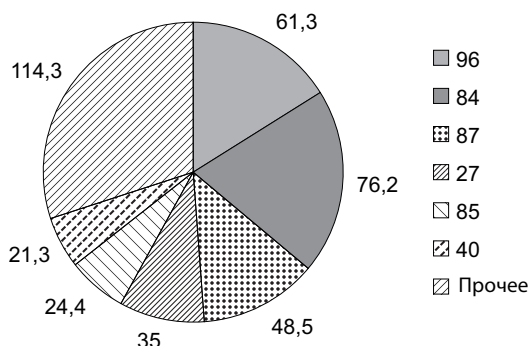

Рис. 3. Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом японского импорта (млн долл. США)

Источник: составлено авторами по итогам моделирования⁷.

По остальным 78 группам ТН ВЭД прирост колеблется от менее 1 тыс. долл. США до более 15 млн долл. США.

На уровне шести знаков ТН ВЭД был выявлен наибольший прирост на товары женской и детской гигиены (+59 млн долл. США), а также продукты нефтепереработки (+35 млн долл. США).

Выводы. При полной либерализации торговли между Российской Федерацией и Японией (в рамках ЗСТ ЕАЭС – Япония) рост импорта ожидается приблизительно на 7%. В наибольшей степени вырастет импорт продукции, которая уже занимает доминирующую долю в структуре импорта на данный момент. При формировании переговорной позиции ЕЭК целесообразно поднимать вопрос о включении в список «чувствительных» товаров нефтепродуктов, двигателей внутреннего сгорания, средств наземного транспорта и электрооборудования.

ЗСТ ЕАЭС – Индия

В 2016 г. Российская Федерация импортировала из Индии продукцию общей стоимостью около 2,4 млрд долл. США. Импорт из данной страны (Приложение 1), в отличие от остальных, характеризуется высокой долей продовольственных товаров (более 25%), однако лидирующая позиция – продукция химической промышленности (около 33%).

⁷ Группы ТН ВЭД: 96 – Разные готовые изделия; 84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства, их части; 87 – Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности; 27 – Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные; 85 – Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности; 40 – Каучук, резина и изделия из них.

Результаты модели. На основании построенной модели было выявлено, что при полной либерализации торговли между ЕАЭС и Индией будет наблюдаться увеличение поставок продукции 79 групп ТН ВЭД на общую сумму около 182,7 млн долл. США.

Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом индийского импорта (из упомянутых выше 79 групп) показаны на рис. 4.

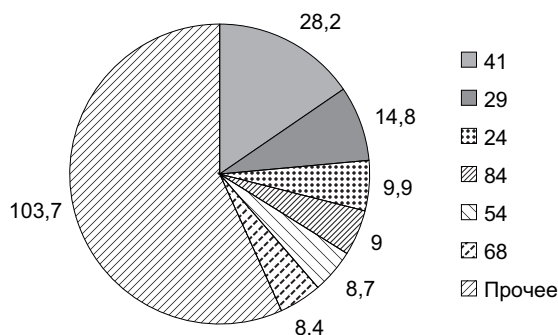

Рис. 4. Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом индийского импорта (млн долл. США)

Источник: составлено авторами по итогам моделирования⁸.

По остальным 73 группам ТН ВЭД прирост колеблется от менее 1 тыс. до более 6 млн долл. США.

Шкуры КРС и табак показали наибольший прирост в стоимостном выражении на уровне шести знаков (17,5 и 10 млн долл. США соответственно).

Выводы. При полной либерализации торговли (с учетом ранее выделенных чувствительных позиций) между Российской Федерацией и Индией (в рамках ЗСТ ЕАЭС – Индия) импорт увеличится более чем на 7,5%. В наибольшей степени вырастет импорт химической продукции, которая имеет значительную долю в структуре импорта РФ на данный момент. При формировании переговорной позиции ЕЭК целесообразно ставить вопрос о включении в список «чувствительных» товаров фармацевтической продукции, мясных субпродуктов и других продовольственных товаров.

ЗСТ ЕАЭС – Сингапур

В 2016 г. Российская Федерация импортировала из Сингапура продукцию общей стоимостью около 495,9 млн долл. США. Главными статьями импорта (Приложение 1) являются машины и оборудование (около 44%) и продукция химической промышленности (около 22%).

Результаты модели. На основании построенной модели было выявлено, что при полной либерализации торговли между ЕАЭС и Сингапуром будет наблюдаться увеличение поставок продукции 61 группы ТН ВЭД на общую сумму около 32,7 млн долл. США.

⁸ Группы ТН ВЭД: 41 – Необработанные шкуры (кроме натурального меха) и выделанная кожа; 29 – Органические химические соединения; 24 – Табак и промышленные заменители табака; 84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части; 54 – Химические нити; плоские и аналогичные нити из химических текстильных материалов; 68 – Изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов.

Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом сингапурского импорта показаны на рис. 5.

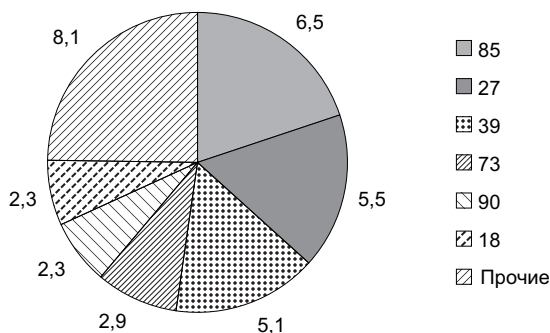

Рис. 5. Группы ТН ВЭД с наибольшим приростом сингапурского импорта, млн долл. США

Источник: составлено авторами по итогам моделирования⁹.

По остальным 55 группам ТН ВЭД прирост колеблется от менее 1 тыс. долл. США до более 2 млн долл. США.

На уровне шести знаков ТН ВЭД в стоимостном выражении наибольший прирост прогнозируется по следующим наименованиям (табл. 2).

Таблица 2. Топ-5 наименований сингапурской продукции по приросту импорта при полной отмене российских пошлин

ТН ВЭД	Наименование	Увеличение импорта, тыс. долл. США
271019	Прочие дистилляты и продукты нефтепереработки	4881
390230	Сополимеры пропилена	3133
852691	Аппаратура радионавигационная	2925
180400	Какао-масло, какао-жир	2197
730799	Прочие фитинги для труб или трубок, из черных металлов	2161

Источник: составлено авторами на основе построенной модели частичного равновесия.

Выводы. При полной либерализации торговли (с учетом ранее выделенных чувствительных позиций) между Российской Федерацией и Сингапуром (в рамках ЗСТ ЕАЭС – Сингапур) импорт увеличится примерно на 6,5%. В наибольшей степени вырастет импорт продукции, уже занимающей значительную долю в структуре импорта

⁹ Группы ТН ВЭД: 85 – Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности; 27 – Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные; 39 – Пластмассы и изделия из них; 73 – Изделия из черных металлов; 90 – Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические; их части и принадлежности; 18 – Какао и продукты из него.

РФ на данный момент. При формировании переговорной позиции ЕЭК целесообразно поднимать вопрос о включении в список «чувствительных» товаров нефтепродуктов, продукции металлургической и химической промышленности.

Выводы и рекомендации

В краткосрочной перспективе существует вероятность заключения ЗСТ лишь с Сингапуром; старт переговоров с Индией является значимым, однако особенности ведения переговоров данным партнером не позволяют ожидать в ближайшее время значительного прогресса. Также необходимо приложить усилия к старту переговорного процесса с Республикой Корея и начать оценку возможности заключения ЗСТ с Японией как с лидером в Северо-Восточной Азии. Несмотря на то что Китай является главным партнером России в АТР, заключение о ЗСТ не выглядит осуществимым в кратко- и среднесрочной перспективе по целому ряду причин, но вскоре будет подписано непререференциальное торговое соглашение, что положительно скажется на взаимодействии стран.

Проведенное моделирование показало рост торговли между странами менее чем на 10% от текущих значений импорта, однако данный прирост чаще всего аккумулируется в нескольких товарных группах. Полученные результаты позволяют выделить те тарифные линии, на которые в рамках ЗСТ таможенная ставка либо должна остаться на уровне режима наибольшего благоприятствования, либо снижение должно быть постепенным для поддержания отечественного рынка. Чаще всего это касается продукции нефтепереработки, а также машин и оборудования.

Источники

Бордачев Т.В., Лихачева А.Б., Чжан С. (2015) Чего хочет Азия: потребление, взаимосвязанность, капитал и креативность // Россия в глобальной политике. Т. 13. № 1. С. 82–96.

Громский П. (2017) ЕАЭС и Китай стали официальными партнерами / Центр евразийских исследований. 3 октября. Режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/5194> (дата обращения: 19.07.2018).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2016) Интервью министра по торговле ЕЭК Вероники Никишиной Rambler News Service (RNS). Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2016.aspx> (дата обращения: 19.07.2018).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2017) ЕАЭС и Индия начали официальные переговоры по заключению соглашения о свободной торговле. 3 июня. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/3-06-2017.aspx> (дата обращения: 17.10.2017).

Изотов Д.А. (2013а) Зона свободной торговли между Россией и Новой Зеландией: возможные эффекты // Российский внешнеэкономический вестник. № 11. С. 41–53.

Изотов Д.А. (2013б) Либерализация российско-вьетнамской торговли: плюсы и минусы для России // Известия ИГЭА. Т. 92. № 6. С. 108–115.

Изотов Д.А. (2015) Либерализация торговли между Россией и странами Восточной Азии // Пространственная экономика. № 4. С. 75–97.

Макаров И.А. (2016) Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России. М.: Международные отношения.

Министерство экономического развития Российской Федерации (2014) Договор о Евразийском экономическом союзе. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union> (дата обращения: 17.09.2017).

Официальный сайт Президента РФ (2015) Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономи-

ческого союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 15.09.2017).

Официальный сайт Президента РФ (2017) Российско-японский форум деловых кругов. 16 декабря. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53477> (дата обращения: 15.09.2017).

Asian Development Bank (ADB) (2017) Asian Economic Integration Report 2017. Режим доступа: <https://www.adb.org/publications/asian-economic-integration-report-2017> (дата обращения: 15.09.2017).

Cheong I. (2007) Evaluation of The Korea – US FTA and Implications for East Asian Economic Integration // The Journal of East Asian Affairs. Vol. 21. No. 2. P. 1–26.

Dent C.M. (2005) Bilateral Free Trade Agreements: Boon or Bane for Regionalism in East Asia and The Asia-Pacific? // European Journal of East Asian Studies. Vol. 4. No. 2. P. 287–314.

Fukase E., Martin W. (2016) The Economic Potential of an India-US Free Trade Agreement // Journal of Economic Integration. Vol. 31. No. 4. P. 774–816.

Gosper B. (2017) An FTA with the EU: What Could Be Gained? Australia, the European Union and the New Trade Agenda / A. Elijah, D. Kenyon, K. Hussey, P. van der Eng (eds). ANU Press. P. 233–254.

International Trade Centre (2017) Trade Statistics for International Business Development. Режим доступа: <http://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 19.07.2018).

Jallab M.S., Abdelmalki L., Sandretto R. (2007) The Free Trade Agreement Between the United States and Morocco: The Importance of a Gradual and Asymmetric Agreement // Journal of Economic Integration. Vol. 22. No. 4. P. 852–887.

Lang R. (2008) A Partial Equilibrium Analysis of the Impact of the ECOWAS-EU Economic Partnership Agreement. Global Trade Analysis Project. Режим доступа: <https://goo.gl/U8dK7r> (дата обращения: 15.09.2017).

Mastel G. (2004) The Rise of the Free Trade Agreement // Challenge. Vol. 47. No. 4. P. 41–61.

Min G.K., Hong S.-B. (2014) Varieties of East Asian Developmentalist Trade Policy: The Trade Liberalization-Industrial Policy Nexus in Thailand and South Korea // Journal of International and Area Studies. Vol. 21. No. 2. P. 1–25.

Othieno L., Shinyekwa I. (2011) Trade, Revenue and Welfare Effects of The East African Community / Customs Union Principle of Asymmetry on Uganda: An Application of WITS-SMART Simulation Model Economic Policy Research Centre Research. Series No. 79.

theSunDaily (2017) RCEP Likely to Be Signed in November 2018: PM. 15 ноября. Режим доступа: <http://www.thesundaily.my/news/2017/11/15/rcep-likely-be-signed-november-2018-pm> (дата обращения: 19.07.2018).

TASS (2017) Free Trade Zone Agreement Between EAEU, Singapore Expected in 2018 – First Deputy PM. 17 октября. Режим доступа: <http://tass.com/economy/971069> (дата обращения: 17.10.2017).

World Trade Organization (WTO) (2005) World Trade in 2004: Overview. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/Statis_e/its2005_e/its05_overview_e.htm (дата обращения: 17.09.2017).

World Trade Organization (WTO) (с. а.) Соглашение о зоне свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам. Режим доступа: <https://goo.gl/vMXHWw> (дата обращения: 15.09.2018).

Приложение 1

Товарная структура российского импорта из КНР, Республики Корея, Японии, Индии и Сингапура в 2016 г.

Код ТН ВЭД	Товарная группа	Импорт из КНР, %	Импорт из РК, %	Импорт из Японии, %	Импорт из Индии, %	Импорт из Сингапура, %
	Все товары	100	100	100	100	100
01–24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	4,30	2,00	0,40	25,80	4,40
25–26	Минеральные продукты	0,10	0,10	<0,1	0,60	<0,1
27	Топливо-энергетические товары	0,10	1,30	0,80	0,30	3,00
28–40	Продукция химической промышленности, каучук	9,40	15,60	11,30	32,60	21,50
41–43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	1,00	0,10	<0,1	1,70	<0,1
44–49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1,00	0,80	0,20	0,20	0,10
50–67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	11,40	1,90	1,20	13,70	<0,1
71	Драгоценные камни, металлы и изделия из них	0,20	<0,1	<0,1	0,20	<0,1
72–83	Металлы и изделия из них	6,70	8,30	2,70	5,30	5,60
84–85	Машины, оборудование	52,90	34,40	24,60	12,40	43,50
86–89	Транспортные средства	3,80	29,40	51,40	3,60	10,20
90–92	Технические инструменты и аппаратура	2,20	2,80	4,20	1,00	11,60
68–70, 93–97, 99	Другие товары	6,80	3,40	3,30	2,70	0,10

Risk Assessment of Trade Liberalization with Asian Countries in the Context of Russia's Policy of Pivot to Asia¹

A. Likhacheva, H. Kalachyhin

Anastasia Likhacheva – PhD, Deputy Director, Centre for Comprehensive European and International Studies of National Research University Higher School of Economics; Russian Federation, 101000 Moscow, 20 Myasnitskaya Str.; E-mail: alikhacheva@hse.ru

Hryhorii Kalachyhin – Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies of National Research University Higher School of Economics; Russian Federation, 101000 Moscow, 20 Myasnitskaya Str.; E-mail: gkalachigin@hse.ru

Abstract

Trade liberalization with Asian countries is a key issue on the agenda of Russia and the Eurasian Economic Union's (EAEU) economic and trade connectivity with the Asia-Pacific region (APR). However, the signing of free trade agreements (FTAs) has traditionally been negatively perceived in both Russia and EAEU partner countries because of the extremely conservative prevailing trade policy. This study simulated the situation of full liberalization of Russian trade in goods with Rep. of Korea (here and after: Korea), Singapore, India, Japan and China to assess the risks of such agreements. The countries were selected on the basis of the current negotiating tracks of the EAEU and the analysis of Russian foreign trade with the APR countries. The simulation was performed using a partial equilibrium model built with the SMART software provided by the World Integrated Trade Solution.

The article highlights key product groups, increases in imports of which can be expected with a complete abolition of import duties by Russia (taking into account sensitive tariff lines). In addition, the authors conclude that in this case, imports of Indian and Korean products will increase by approximately 7.5%, and imports from Japan and Singapore, respectively, by 7% and 6.5% of the cost of imports from these countries in 2016. The simulation showed an 8% increase in imports from China, which in absolute terms exceeds the current level of trade with India and Singapore combined. This confirms the low probability of starting the FTA negotiations with China in short and medium term.

Key words: Russia; EAEU; Asia-Pacific Region; free trade agreements; imports; partial equilibrium model

For citation: Likhacheva A.B., Kalachyhin H.M. (2018) Risk Assessment of Trade Liberalization with Asian Countries in the Context of Russia's Policy of Pivot to Asia. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 52–69 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-03.

References

- Asian Development Bank (ADB) (2017) Asian Economic Integration Report 2017. Available at: <https://www.adb.org/publications/asian-economic-integration-report-2017> (accessed 17 October 2017).
- Bordachev T.V., Likhacheva A.B., Zheng X. (2015) Chego hochet Azija: potreblenie, vzaimosvjazannost', kapital i kreativnost' [What Asia Wants: Consumption, Interconnection, Capital and Creativity]. *Russia in Global Affairs*, vol. 13, no 1, pp. 82–96 (in Russian).
- Cheong I. (2007) Evaluation of the Korea – U.S. FTA and Implications for East Asian Economic Integration. *The Journal of East Asian Affairs*, vol. 21, no 2, pp. 1–26.

¹ The editorial board received the article in November 2017.

The article was supported by Russian Science Foundation Grant No. 17-18-01577 “Developing the Community of Greater Eurasia and Strategy of Russia's Bilateral Partnership with Countries of the Region”.

- Dent C.M. (2005) Bilateral Free Trade Agreements: Boon or Bane for Regionalism in East Asia and the Asia-Pacific? *European Journal of East Asian Studies*, vol. 4, no 2, pp. 287–314.
- Eurasian Economic Commission (EEC) (2016) Interv'ju Ministra po trgovle EJeK Veroniki Nikishinoj Rambler News Service (RNS) [The Interview of the Minister in Charge of Trade of the EEC Veronika Nikishina for Rambler News Service], 28 June. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2016.aspx> (accessed 19 July 2018) (in Russian).
- Eurasian Economic Commission (EEC) (2017) EAJeS i Indija nachali oficial'nye peregovory po zaključeniju soglasenija o svobodnoj trgovle [EAEU and India Have Started Negotiations on Free Trade Agreement]. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/3-06-2017.aspx> (accessed 17 October 2017) (in Russian).
- Federal Customs Service of Russian Federation (c. a.) Available at: <http://www.customs.ru/> (accessed 15 September 2017).
- Fukase E., Martin W. (2016) The Economic Potential of an India-U.S. Free Trade Agreement. *Journal of Economic Integration*, vol. 31, no 4, pp. 774–816.
- Gosper B. (2017) An FTA with the EU: What Could Be Gained? *Australia, the European Union and the New Trade Agenda* / A. Elijah, D. Kenyon, K. Hussey, P. van der Eng (eds). ANU Press, pp. 233–254.
- Gromsky P. (2017) EAJeS i Kitaj stali oficial'nymi partnerami [EAEU and China Have Become Official Partners]. Eurasian Studies Centre, 3 October. Available at: <http://eurasian-studies.org/archives/5194> (accessed 19 July 2018) (in Russian).
- International Trade Centre (2017) Trade Statistics for International Business Development. Available at: <http://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 19 July 2018).
- Izotov D.A. (2013a) Zona svobodnoj trgovli mezhdru Rossiej i Novoj Zelandiej: vozmozhnye jeffekty [FTA between Russia and New Zealand: Possible Effects]. *Russian Foreign Economic Journal*, no 11, pp. 41–53 (in Russian).
- Izotov D.A. (2013b) Liberalizacija rossijsko-v'etnamskoj trgovli: pljusy i minusy dlja Rossii [Russia-Vietnam Trade Liberalization: Pros and Cons for Russia]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizatsiya-rossijsko-vietnamskoj-torgovli-plyusy-i-minusy-dlya-ekonomiki-rossii> (accessed 19 July 2018) (in Russian).
- Izotov D.A. (2015) Liberalizacija trgovli mezhdru Rossiej i stranami Vostochnoj Azii [Trade Liberalization Between Russia and East Asia]. *Spatial Economics*, no 4, pp. 75–97 (in Russian).
- Jallab M.S., Abdelmalki L., Sandretto R. (2007) The Free Trade Agreement Between the United States and Morocco: The Importance of a Gradual and Asymmetric Agreement. *Journal of Economic Integration*, vol. 22, no 4, pp. 852–887.
- Koo M.-G., Hong B.-B. (2014) Varieties of East Asian Developmentalist Trade Policy: The Trade Liberalization-Industrial Policy Nexus in Thailand and South Korea. *Journal of International and Area Studies*, vol. 21, no 2, pp. 1–25.
- Lang R. (2008) A Partial Equilibrium Analysis of the Impact of the ECOWAS – EU Economic Partnership Agreement. Global Trade Analysis Project. Available at: <https://goo.gl/U8dK7r> (accessed 15 September 2017).
- Makarov I.A. (2016) Turn to the East: The Development of Siberia and Eastern Russia in Strengthening Russia's Foreign Policy toward Asia. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya (in Russian).
- Mastel G. (2004) The Rise of the Free Trade Agreement. *Challenge*, vol. 47, no 4, pp. 41–61.
- Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2014) Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom sojuze [Agreement on Eurasian Economic Union]. Available at: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union> (accessed 17 September 2017) (in Russian).
- Othieno L., Shinyekwa I. (2011) Trade, Revenue and Welfare Effects of The East African Community Customs Union Principle of Asymmetry on Uganda: An Application of WITS-SMART Simulation Model. Economic Policy Research Centre Research, Series no 79.
- President of Russia (2015) Sovmestnoe zajavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o sotrudnichestve po soprjazheniju stroitel'stva Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza i Jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Co-

operation in Combining the Constuction of the EAEU and the Economic Belt of the Silk Road]. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 15 September 2017) (in Russian).

President of Russia (2016) Rossijsko-japonskij forum delovyh krugov [Russia – Japan Business Forum]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53477> (accessed 15 September 2017) (in Russian).

TASS (2017) Free Trade Zone Agreement Between EAEU, Singapore Expected in 2018 – First Deputy PM. Available at: <http://tass.com/economy/971069> (accessed 17 October 2017).

theSunDaily (2017) RCEP Likely to Be Signed in November 2018: PM. Available at: <http://www.thesundaily.my/news/2017/11/15/rcep-likely-be-signed-november-2018-pm> (accessed 19 July 2018).

World Trade Organization (WTO) (2005) World Trade in 2004: Overview. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/Statis_e/its2005_e/its05_overview_e.htm (accessed 17 September 2017).

World Trade Organization (WTO) (c. a.) EAEU – Vietnam FTA. Available at: <https://goo.gl/vMXHWw> (accessed 15 September 2017).